

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Доклад тов. АНДРЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА на III пленуме правления ССП СССР

Третий пленум правления Союза советских писателей СССР имеет историческое значение. Работы пленума—подлинный акт творческого единства писателей всей Советской страны.

Поэты Советской Белоруссии в условиях ожесточенной классовой борьбы за свой ритм, за свой образ и свою поэтику, обогащаясь от элементов проницательности, ломая рамки национальной ограниченности, достигли значительных высот поэтического мастерства.

НАРОДНЫЙ ФОЛЬКЛОР И ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОЭТЫ

Дореволюционное наследство в области белорусской художественной литературы было генетико. Те белорусские поэты, которые начали свою литературную деятельность до Октябрьской революции (Янка Купала, Якуб Колас), в наши дни переживают свою вторую творческую молодость, счастливую молодость расцвета своего таланта, и обогащают советскую художественную литературу произведениями большой поэтической культуры.

Могла ли итти речь о белорусской художественной литературе в годы мрачной реакции? Могла ли итти о создании мощной поэзии страны, которая выразила экспопролетариатскую будущую на положении колонии первого самодержавия. Правильно сказал белорусский поэт, что «под пятой Российской империи разрастается только пыль».

В своем знаменитом стихотворении «Железная дорога» Н. А. Некрасов, рисуя рабский народный труд, писал:

Будиши, стоят, изможден лихорадкою

Высокорослый больной белорусс.

Бесправие, нужда и голод, колты, трахома лихорадка пожирали в Белоруссии ежегодно тысячи людей.

Богатейший белорусский фольклор красноречиво рассказывал об этом крестьянине, о его жизни, о его стране. Народные песни, сказки и легенды, как говорят А. М. Горький, «сучки пессимизма, невзирая на то факт, что творцы фольклора жили также и мучительно, рабский труд из был обесмыслил экспопролетариями, а личная жизнь— беспристра и беззащитна. Но при всем этом колективу как бы своеобразно сознание его бесмертно в уверенности в его победе над всеми враждебными ему силами».

Однако, в белорусском фольклоре мы находим образы предельной жестокости и отчаяния.

Даже колорит любовных песен и песен молодежи пронитая горечью новой, тоски и слез. Крупнейший русский поэт А. Майков написал несколько белорусских народных любовных песен. Несмотря на то, что эти песни были подвергнуты поэтом некоторой литературной обработке, в них сохранилась лирика народной скорби.

Не саки ты, ботинка,
При дороге березки;
Не коси ты, братинка,
Травонька шелковой;
Не рви ты, сестринка,
Цветники в садочек;
Не бери ты, матушка,
Из клочка волинцы.
При дороге березка —
Я сама младенка;
Травонька шелкова —
Моя русы косы.
В садочек цветочки —
Моя яны очки;
Во ключе водинка —
Моя горык слезки.

Таковы были социальная атмосфера, чувства и чаяния белорусского народа, так их рисует творчество, созданное самим народом. И первые песни первых крестьянских поэтов в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себя надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Поэты дореволюционной Белоруссии, которые оставили в белорусской поэзии более или менее значительный след (Петка, Максим Богданович, Тихика Гартын, Эмитрок Байдуля (Ясакар), Алеся Гурко, Янка Купала, Константина Буйло и многие другие), выразив неиссякаемыми и воспитанными ее идеологиями. С нарастилием революционных событий в истории белорусской поэзии были также полны почвы и горести о «спенке и недолезе» своего края и своего народа.

Мы не найдем в ранних произведениях Янки Купала и Якуба Коласа веселых, солнечных песен. Правда, Янка Купала вложил в себе надежду, что «ночка поймает на свете—вечна не падне».

Тов. А. АЛЕКСАНДРОВИЧ

и. Старалось повернуть Купруту на восток. Купруту им путь, они уверяли, что «под видом профинансированных произведений», поэт раскрывает злоупотребления существующего национального строя, но не признает, видят ли, в «струдалбии», в моральности, понятии просвещения. И в томпольским буржуазным критикам белорусским, буржуазным националистам, властям и партии. (Аплодисменты).

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

По линии развития политической поэзии, националисты стремятся итии Пятровы Бровки.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

Сегодня Я. Купала и Я. Колас являются участниками упорной борьбы за белорусскую советскую художественную литературу. Если Янка Купала лет двадцать пять тому назад писал:

«Нету страны, где бы,

согрета, Доля народов поэтов не знала,

Пусть уж нам будет хоть Янка

Купала, то сегодня в однолюбовской социалистической Белоруссии мы смеем, смеем дружиной многоязычной поэтической хор. Белорусская советская национальная сущность развернута в борьбе. И тогда поэт поднимается на значительно более высокую ступень и создает поэму «Десятилетия подиумар», профинансированную оптимизмом, верой в прекрасное будущее Советской Белоруссии.

<p

1934—ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ—1936

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ИЗ КОМЕДИИ „ВОЛЬПОНЕ“

I. ПЕСНЯ МОСКИ

Толпа наследников вокруг
Кричит, бормочет, свищет, —
Не разберешь, кто враг, кто
друг,
Кто потерял, кто идет...

Но я запомнил навсегда:
Будь первым из последних,
Подарок свой давай сюда —
И ты тогда наследник!

Вольпоне видит страшный сон,—
Мигнуть не может глазом!
Но, зажмурив засланные зевы,
Рукою ослабевшей он
Поставит подпись разом...

Кто больше золота дает —
Наследник тот, наследник тот!

II. КАРЕТА

Кати, кати, карета,
По торжному пути!
Ах надо б до рассвета
Наследство обрести!..
Вперед! И как ни сетуй —
Кати, кати, кати!

Плечом нахмури на кузов,
Авось пойдет скорей!
В карете мало грува —
Мешок сухих костей...
От нахмуренного сожжа
Она пойдет скорей...

Еще, еще немного!
Возница, не дремли!..
Тяжелая дорога...
Да, где ж его берлога?
Хоть на краю земли!

За золотом в погоню —
По торжному пути!
Гремя на перегоне,
Дружлей храните, кони!
В раскачке, в тряске, в звоне —
Карета на разгоне...
Кати, кати, кати!

III. ПЕСНЯ

Сокрытое от взора
В дубовых сундуках —
Его наследство скоро
Блеснет у нас в руках...

Здесь сотни мисок супа,
Здесь тонны чеснока
Сложила молча скучность
На дне сундука!
И вот заплышил жиром,
От выпивки багров,
Вольпоне правит миром
С высоких сундуков...

Друзья!
Червонцев кучи
Тужеют под замком...
Мы их блестеть научим!
Мы им глаза пропрем...

ЭДУАРД БАГРИЦКИЙ

ПЕСНЯ БАБ

Лежит мой любимый на черной земле,
В крови его шалька и руки в золе.

Не встать ему больше, не сесть на коня, —
Сгниет, как трава, и не вспомнит меня.

В зеленом дому соловейка поет...
Мой муж целый день починил пуломет...

За черной тачанкой согнулся ковыль —
И нет никого. Только ветер да пыль...

Ой, степь моя, степь, неоглядизь ширь!
Могильщик-орел, партизан-поповодырь...

Он скользился чортом над черным холмом.
Ходил подымает и машет крылом...

Лежат наши дети в холодных стенах,
Любимые спят в голубых конылях...

Отны потонули в днестровской воде,
Веселых мужей не разыщешь нигде...

Лети же, моя песня, над тихой водой,
Столкнись, моя песня, с зеленою звездой,

Рассыпься словами, вырви в тишину,
Валетая, как чайка, с волнами на волну!

ОТ РЕДАЦИИ:

«Песней баб» должна была начинаться опера «Дума про Опанаса», над либретто которой Багрицкий работал вместе с композитором В. Шебалиным зимой 1932–33 гг.

Переводы нескольких песен из «Вольпоне» Б. Джонсона были сделаны Багрицким по заказу Московского государственного театра п. Ю. Завадского.

Переводы из «Вольпоне» так же, как и «Песни баб», публикуются впервые.

ПОЭЗИЯ БАГРИЦКОГО

И. БЕСПАЛОВ

Багрицкий, как поэт, создан пролетарской революцией. Пролетарская революция столкнула его с жизнью, расширила его интересы и его тематику, сделала его голосом мужественных и включила его в большую, настойчивую, бурную, реальную жизнь. Это произошло не сразу: от пассивно-созерцательного романтизма Багрицкий рос к революционной романтике, о небесах и любви спускался на землю, бескорыстное мечтательство сменилось революционным содержанием, стих изменился и расставивши уступкам место стиху мужественного. Пассивность отступила перед чувством движения, волнения. Между ранним Багрицким и Багрицким революционным расстояние огромно, и взятое оно было упорством, трудом, талантом, в боях с самим собой, в неустанным обучении у революции, у револютариста.

Через романтический протест против трактирщиков, через идеализацию моря и рыбачьей жизни, через оптимистический «фламандизм»шел он к изображению и пониманию действительности, к «Думе про Опанаса», к «Победителю» и «Последней ночи».

Было не правильно противопоставлять Багрицкого «степца под лютью и юношу без оружия». Багрицкому публицистических стихов на революционные темы, относящихся к периоду 1920–25 гг. Эти две области его деятельности тесно связывались друг с другом и проникнуты один общим настроением.

Публицистические стихи Багрицкого, неизвестные в разное время и по разным поводам, показывают, что революция стала внутренней темой Багрицкого. Они далеко не равнодушны к художественно, не во всем уже политическая тема стала поэтическим ощущением. И в этих стихах он не расстается с свойственным ему отношением к природе, с восприятием жизни, «до края на-

полненной молоком и медом», с романтикой. Он находит яркие слова и музыкальные ритмы для воспевания революции, ее бойцов, революционных матросов, фронтовиков, большевиков, коммунаров 1871 г., он находит в себе реакцию и неизвестность для опущения войны и страдания мира. В его стихах звучат актуальный политический лозунг и призыв к борьбе:

Над землей снеговой!

Покой наступает суртовый,
Чтоб грянула громче над сонной землей

Владимира Ленина слово.

Политическая тема и в особенностях тема гражданской войны, в которой Багрицкий начал применять свою тему, отрываясь внутреннему чувству поэта, ибо в революции и в герониме гражданской войны он находит реальное содержание поэзии.

Во всех лучших стихах этого периода политическая тема сближается с темой лирической, политические выволы и призываю образыены ощущением природы, лирическими отступлениями, проникнуты личной заинтересованностью. Багрицкий переключился гражданской войны и первых лет революции и в плане личной биографии, ближе стоял к жизни. Он сам был в Красной армии, затем работал в газете, в Ростове. Отсюда ясное сознание того, что право на поэзию отвоевано с оружием в руках, что революция мстит не только за угнетение труда, совершенные против поэзии:

Я мстил за Пушкина под Пекином,

Я Пушкина через Урал пронес,

Я с Пушкиным шатался по окопам,

Покрытый вшами,

Голоден и бос.

Активное участие в практической жизни и работа над публицистическим стихом обогатили поэтический и политический опыт Багрицкого, обусловили его рост. Он создал поэму «Дума про Опанаса» (1926 г.), вошедшую в историю советской поэзии, как одно из лучших произведений о гражданской войне.

В основу «Думы про Опанаса» положен конфликт большого общественного содержания. Поэзия Багрицкого вышла на магистраль революционной тематики, стала позицией социальных обобщений. «Дума» выдержала испытание временем, вошла в литературу, как новое слово.

«Дума про Опанаса», однако, не разрешила окончательно проблемы ромanticsm. Пер iod пока не кончил,

что Багрицкий не понял до конца ромanticsm нового этапа революции.

Он чувствует свою кровную связь с пролетарской революцией, и в то же время весь в поисках и тревогах за судьбу своей романтики.

«Дума про Опанаса» — замечательные строки:

Что ж дорогу напишу

Враз не разрубить:

Вместе есть нам кашу,

Вместе спать и пить...

Пусть другая дразнится.

Напиши дни легки...

Десять лет различны

Это пустяки.

Это опущение, однако, перебивается мотивами раздумья, сомнения. Образ поэта-бронзы не останавливает его, ему кажется иногда, что он спешит, что «десять лет различны» между пим и новым поколением, это не пустяки. Ему кажется, что «мимо пройдет трубач молодым». Он пишет стихотворение «От черного хлеба и верной жены», полное горечи и поэтической тревоги за судьбу своей поэзии. Он перерабатывает «Трактир» и отдает дань старшинности перед настоем. Его поэзия

живет в страшном мире собственничества, дикости, грязи и грубы.

И оказалось, что детство не покинуло обличием отчужденности, что оно изуродовано страстями, миражами, лишено родительской любви.

Любовь, романтика жизни? Но они невозможны в мире, где «седины вшами косы», где внешнее и внутреннее уродство, где «меня кидают ржавые евреи оброншие чешуйки кулачка». С этим миром нужно порвать, в нем «все пальярот». Все как не налад. В рядах стихов Багрицкий порывает с этим миром линии в изломах. Теперь он находит слова, поднимая пыль, пылая, искавши, порывая в просторный мир. У него есть критерий сражения — социалистическая действительность, которая противостоит, сплетая, разделяя, этому страшному образу прошлого. Изломы разрывы, и пронзает окончательный разрыв с прошлым.

К этой теме примыкают и мотивы «Последней ночи», замечательного по мастерству и силе чувства стихотворения. Приобретено чувство уверенности и смелого взгляда вперед. И это передает Багрицкий в «Последней ночи».

Большая сила чувства, сдержанная напряженность воли, пафос и эмоциональный интерес к публицистической теме, социальной идее и социальным обобщениям. Предметность и конкретность его образной системы никогда не становились самоцелью, красавицами, но тихо-веселыми нарядами, скрытыми и затемненными ясностью мысли и чувства. Его поэзия была позитивной пафоса жизни, борьбы, и она противостояла холодной и безразличной версификации ремесленников, выдающих себя за поэтов лишь на том основании, что и они умеют вбогать слова в рифмы. Эволюция его художественного сознания шла по пути к синтетической поэзии социализма. Он открыл чувства и мысли человека, погружающегося в прошлое, наполнив его романтику и пафос в идеи социализма и природы, накануне спасения социальности и юности.

Багрицкому не удалось до конца развернуть свои достижения. Он открыл, и в самом начале того периода, когда он мог уже уверенно и твердо опираться на найденное и открытое, он умер. Но сделанное им сохранил свое значение не только как наследство, как законченный этап, но и как путь в будущее, по которому иначе и по-новому пойдут другие. А это одно из назначений подлинного искусства.

БАГРИЦКИЙ В 1919 ГОДУ

ЛЕВ СЛАВИН

С трудом я воспроизвожу свои блудные годы с дымящейся травой. Он въехал дым.

Мы застали Багрицкого в припадке астмы. Эта болезнь, вследствие убийства его, была тогда неизвестна. Она не мешала ему разговаривать и даже читать стихи.

Он читал прекрасным, низким голосом, и все тело его ходило в таких стихах, как если бы ритмическая сила, сидевшая внутри Багрицкого, сорвалась из его тела, как пущенный мотор.

Он приводил в движение пыль, которая не любила этого момента.

Он пытался вспоминать, но не мог.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О ПОЭЗИИ СОЗДАДИМ ОБРАЗ НАШЕГО ВОЖДЯ

Речь тов. НАИРИ ЗАРЬЯНА (Армения)

Пленум правления союза советских писателей проходит в такое время, когда в Советском союзе все выше и выше поднимается знамя великой дружбы народов, знамя любви и преданности к нашей социалистической родине.

Тот замечательный факт, что пленум, посвященный преимущественно вопросам поэзии, созывается в столице оренбургской Белорусской республики, показывает, с одной стороны, последовательность и привильность ленинско-сталинской национальной политики нашей партии, а с другой стороны, рост и большое значение литературы в частности, поэзии советской Белоруссии.

Белорусская литература в основном — продукт пролетарской революции. Стихи и поэмы Купалы и Коласа послекооперативного периода — яркое доказательство того, что только под просторным небосводом нашей социалистической революции талантливого поэта может сделать олимпийские взлеты.

Национальная политика партии Ленина — Сталина подняла новую колонию белорусских талантливых поэтов: Михаила Чарота, Андрея Александровича, Петруса Бровки, Пятруса Бровки, Примаха, Пятруса Бровки в советскую Армению на очень короткое время. Петруса Бровки написал два замечательных стихотворения о достижениях нашей республики.

«Веселая песня» Глебка — настоящий поэтический открытие и полный образ социалистической лирики наряду с «Алесей», «Холопниками и лягушками». Купалы, со «Стеной бесстрашных» Александровича, с армянскими именами Бровки.

Героический белорусский народ в очень короткий период создал множество большую поэзию, полностью большую литературу, равнозначную великим литературным друзьям Бровки.

Я не стану говорить в целостности белорусской поэзии, потому что нахожусь пока в стадии становления человека, который не замечает недостатков в объекте своего восприятия. (Аплодисменты).

Я горжусь тем, что вижу на себя почетную и ответственную за-

дочку перевода белорусской поэзии на свою родную язык.

Изумительный рост и процветание белорусской культуры в таком историческом короткий промежуток времени доказывает, какая великая созидательная сила зародилась в социалистической системе.

Капитализм ведет народы к поражению в поражении, а социализм — от победы к победе. В то время, как капиталистические державы стоят друг против друга, как толпы бешенных волков, а пророки буржуазии рождают мракобесные теории взаимной ненависти, — в это время мы на нашем необычайном горизонте все выше и выше поднимаемся, солнечное знамя интернационализма. Это знамя держит в могучих руках великий народ — великий друг народов, великий инженер счастья человечества, великий союз человеческой истории — генеральный Сталин. (Бурные аплодисменты). Гани Абдулла передает в президиум ковер! (Бурные аплодисменты).

И мы, товариши поэты, певцы дружбы и счастья народов, глаголы письма будущего всего трудового человечества, мы еще не создали германского образа нашего вождя, мы еще не написали до-сторонней его великой эпопеи нашей эпохи.

Обращая взоры на высокие вершины мировой поэзии и на основе всего этого, что уже сделано в советской поэзии, мы имеем к новым вершинам поэтического искусства. (Аплодисменты).

Я горжусь тем, что вижу на себя почетную и ответственную за-

За мировые показатели советской поэзии

Речь тов. КОРНЕЛИЯ ЗЕЛИНСКОГО (Москва)

Стране наша стихия рождает поэтов, потому что поэтичен труд в СССР, потому что поэтичен сам социализм. Таким образом, у нас есть все для того, чтобы на этой почве могла возникнуть мировая поэзия, поэзия мирового звучания.

Есть, товарищи, два пути к выполнению этой главной задачи: путь создания субъективного лирического характера и путь эпоса или драмы, путь создания объективных характеров, каждого со своим особым внутренним миром. Если, следуя первым, лирическим путем, мы обременяется к прошлому, в историю и спросям себя, что создала здесь мировая поэзия, что предстоит преодолеть нам в этой области, то самой волнующей Финляндии перед нами встанет лирический образ Балтона.

Что противопоставила, что предложила советская поэзия миру в противовес балтийскому беспокойству, этому внутреннему выражению начала действия и движения?

Здесь прежде всего поднимашь голову к Маяковскому. Маяковский пророчески из ясности по поводу того, что, одному из нас назовут «красным Балтона», другого «красным Гейне» и на том взаимно решится. Но если говорить о новой вершине в лирическом развитии человечества, если так можно выразиться, то такой мировой вершиной явился сам Маяковский. Он создал в своей послереволюционной лирике новый тип социального беспокойства, опиравшегося не на гордый индивидуализм, а, наоборот, на огромное чувство ответственности, которое имел на нас революционный социалистический романтизм, являлся он же из особенности становления нового общественного лирического реалистического образа, нового типа поэзии социалистической.

Одной из замечательных черт советской поэзии является возрождение и развитие в ней эпоса. Но как решала наша поэзия центральную проблему изображения характера нового положительного героя? Надо признать, что пока достигла тут больших успехов. Пока этого разного Левинсона из «Родина», или Давыдову из «Помятой юности», или даже Коринчу из «Как закалялась сталь», в поэзии пока еще не создано. Новый положительный герой отнимает у поэзии ее традиционнейшее право на белогвардейское освещение, на возвышенный слог. Тут возникает своеобразное противоречие. Он герой, в нем нужно показать его героптическое начало. Само слово «герой» с древнегреческих времен обозначает человека, выделяющегося из общемного ряда. Но советский герой, знатный человек в нашей стране, — это герой особого рода. Он — «несметный герой» по своей форме, по внешности. Скорость, обрывность — это его естественная оболочка. Он рядом с нами, а не на нами.

Так или иначе, но за поэзии должно быть сохранено известное право на какую-то гиперболу чувств.

Ведь поэт — это колпак взволнованных чувств народа, и естественно, что эта поэзия должна сказаться в самом поэтическом стиле.

То положительное значение, которое имел на нас революционный социалистический романтизм, является он же из особенности становления нового общественного лирического реалистического образа, нового типа поэзии социалистической.

Может быть, те «возвышенные средства», которыми обладает поэзия, позволяют ей более смело, чем прежде, обращаться к самой великой, к самой ответственной и вместе с тем самой волнующей задаче — созданию образа пролетарского вождя.

В фольклорном поэзии нашей поэзии создан уже обширный эпос о Ленине и Сталине. Здесь надо сказать об образе Сталина, созданном Сельвинским в его новой эпической поэме. Одно уже можно сказать сейчас, что поэтический образ Сталина, созданный Ильей Сельвинским, достигает такой монументальности, такой возвышенности, такого чувства исторического простора, связанного с этим образом рождения нового человека, что новая поэма Сельвинского — это, можно сказать без преувеличения, — является событием для всей советской поэзии. Спинность миллионов людей в одном чувстве, в едином порыве со словом «Сталин» особенно хорошо передана у Сельвинского:

Мы ждали много от доклада тов. Суркова, но, к сожалению, он забыл о поэзии ряда национальных писателей — Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и других. Он ни слова не сказал о творчестве Лахути, который вошел в ряды мировых поэтов.

Лахути, — сказала Лахути и

Лахути на своем молодость, имеет таких мастеров как Лахути и

Лахути и